

И.В. Минникес

Форма сделки: историко-правовой анализ

В статье рассматривается эволюция правового регулирования формы сделки в России на протяжении X–XX вв. в контексте изменения отношения законодателя к целям ее оформления. С помощью анализа источников права показано, что для древнейших актов характерна свобода усмотрения сторон в выборе формы сделки (диспозитивное регулирование). С течением времени диспозитивность сменяется императивным регулированием со строгой формализацией и превращением формы сделки в самоцель.

Ключевые слова: гражданское право; история права; сделки; договоры.

Обязательственные отношения представляют собой неотъемлемую и многообразную сферу общественной жизни. Не менее многообразны и формы, которые избираются сторонами для объективизации вовне и конкретизации обязательств. Частью этого многообразия являются правовые средства оформления обязательственных отношений.

Сделки предполагают определенные средства их формализации. Данные средства и последствия отказа от их соблюдения существенно варьируются в разных правовых семьях и на разных этапах исторического развития государства и права. В определенных условиях стороны, участвующие в сделках, вправе самостоятельно избирать форму фиксации обязательств, в других — сторонам не предоставлено право на риск и свободу усмотрения. Первый вариант предполагает наличие в законодательстве диспозитивного начала, второй — строится на императивных основаниях.

Анализ российского законодательства X–XX вв. предоставляет возможность проследить изменение выраженного правовыми средствами отношения государства к этой сфере правового регулирования.

Процесс смены целевой установки и базисных оснований правового регулирования вопросов оформления сделок на протяжении обозначенного временного периода можно разделить на несколько этапов.

Первый, ранний, этап охватывает русское право X–XVI вв.

Парадигма данного этапа — возможность альтернативы, поскольку форма сделки служит прежде всего гарантом обеспечения прав сторон на защиту своих интересов. Сделки совершаются в большинстве своем устно, хотя О.И. Чистяков упоминает сведения, доказывающие зарождение письменной формы заключения договора о недвижимости [2: с. 67].

В Русской правде (далее — РП¹) предусмотрено устное совершение сделок в присутствии свидетелей. При этом, судя по тексту документа, участие свидетелей предназначено для защиты сторон.

Такой вывод можно сделать на основании нескольких положений акта.

Во-первых, законодатель защищает от санкций лицо, купившее по незнанию краденую вещь: «Если же (кто) купил на торгу что-нибудь краденое..., то пусть выставит двух свободных человек или мытника; если не знает, у кого купил (краденое), то эти свидетели должны присягнуть в его пользу, а истец — взять обнаруженную вещь..., ответчик же пусть простится со своими деньгами (заплаченными за краденое), ибо сам (виноват, что) не знает, у кого покупал...» (ст. 37). Таким образом, незадачливый покупатель хотя и терпит ущерб, но показания свидетелей-очевидцев сделки как минимум освобождают его от обвинения в краже.

Во-вторых, здесь интерес представляет содержание ст. 52 РП. В ней предусмотрено, что заем без участия свидетелей тоже подлежит судебной защите, но лишь до 3 гривен. Если сумма иска больше, то займодавцу следует сказать «сам виноват, что не выставлял послухов (при отдаче денег взаймы)». Эта фраза — «сам виноват» — и есть ключ к пониманию формы сделки как гарантии прав сторон: хочешь — обеспечить свои интересы, не хочешь — рискуй.

Аналогичное отношение к оформлению сделок и последствиям несоблюдения формы демонстрирует и Псковская Судная грамота (далее — ПСГ)².

Согласно данному акту устный договор заключался между лицами низшего социального слоя. Так, в грамоте в качестве сторон устного договора фигурируют «закупен и скотник».

Обязательства между другими субъектами, а также более или менее значительные сделки должны оформляться письменными актами — грамотами.

Грамоты в зависимости от характера обязательств именовались купчими, меновыми, данными, выкупными и др. В тексте обычно указывались имена договаривающихся лиц, иногда — их положение или родство: «Федора Александрова жена десятиничка», «Никон игумен»; содержалось описание имущества, составлявшего предмет договора; суть обязательств и сумма сделки.

Необходимый элемент любой грамоты — указание имен послухов или «мужей», которые были свидетелями заключения договора. Иногда к грамоте пришивали печать.

Грамоты могли храниться либо у сторон, либо в церкви. В зависимости от этого они именуется доска (простой домашний документ) или запись (рядница). Последний документ составлялся в двух экземплярах — сама рядница и порядня (копия). Копия договора отдавалась на хранение в ларь (в церковь).

¹ Текст статей дан по изданию: Русская Правда Пространной редакции. Суд Ярослава Владимировича. Русский Закон // Памятники русского права. Вып. I. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. 245 с.

² Текст статей дан по изданию: *Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии Исследования. Псков: Возрождение, 1997. 148 с.

В случае судебного спора сличались рядница, которая была на руках участников сделки, и порядня, хранившаяся в ларе.

Стороны сами выбирали, как оформить сделку, но для займа свыше рубля законодатель все-таки рекомендовал запись: по ст. 30 доски по обязательствам свыше рубля к взысканию не принимались.

Таким образом, за несоблюдение рекомендованной формы заключения сделки законодатель угрожает только отказом в защите. Вопрос о законности сделки не ставится.

Можно заключить, что на данном историческом этапе в вопросе о форме сделки в законодательстве превалирует диспозитивное начало.

Второй этап включает законодательство и иные источники XVI–XVIII вв.

Этот этап с позиции исследуемой проблемы можно назвать переходным.

На данном этапе форма сделки входит в сферу интересов государства. Как следствие, уменьшается возможность свободного выбора формы сделки, но защита интересов сторон по-прежнему является базовым принципом.

Развитие законодательства в XVI–XVII вв. идет под знаком формализации сделки. Законодатель явно отдает предпочтение не домашнему документу, а специальному акту под названием крепость, или кабала.

Кабальный договор составлялся по определенным канонам специальными площадными подьячими [4: с. 166–167].

С формальных позиций кабала — более строгий документ, нежели все ранее перечисленные. Помимо известных требований, как-то: сведения о предмете, сторонах, «рукоприкладство» сторон и т. п., составленный документ подлежал заверению и регистрации в приказе, в ведении которого были предмет сделки или субъекты. Только после записи в приказе сделка считалась совершенной надлежащим образом. Законодатель объяснил, что если вотчину продали обманом дважды и разным людям, то действительной считается не более ранняя по срокам купчая, а та, которая записана в приказной книге.

Кабальная форма сделки обладала несколькими важными преимуществами в глазах законодателя: она гарантировала более четкое изложение условий договора и способствовала единому пониманию сути обязательства; обладала большей доказательной силой и, что важно, ставила передачу ценностей под контроль государства, давая возможность получать стабильный доход от фиксации сделок.

Кабальная форма в Судебниках вначале была объявлена обязательной по «служилым кабалам», т. е. при личном найме и при купле-продаже лошадей. По указу 1558 г. требуют обязательной крепостной формы сделки с недвижимостью. В Соборном уложении 1649 г.³ кабала объявлена обязательной по «большим делам», особенно в городах. При этом Судебник 1550 г. еще

³ Соборное Уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. 1. СПб., 1830. № 1.

допускает иски по бескабальным сделкам, но спустя несколько лет установка законодателя меняется. Указ 1635 г. отказывает в защите сторонам в бескабальных займах и поклажах, Соборное уложение — в бескабальных сделках о холопстве.

Другими словами, рекомендации о форме сделки преобразовались в требовании о надлежащем оформлении любого соглашения.

Однако фискальный и иной интерес государства в должной форме сделки еще не созрел до признания ее ничтожной по мотивам ненадлежащего оформления. Угроза законодателя все еще заключается в отказе в судебной защите: «А которые люди всяких чинов учнут бити челом на кого в заемных деньгах, или в поклажеях, или в какой-нибудь ссуде, а в тех долгех и в поклажеях и в ссуде на то кабал и заемных памятей и иных никаких крепостей на тех людей, на которых они учнут бити челом в челобитье своем и в приставных памятех не напишут, и им на тех людей суда и зазывных грамот в таких исках не давати и приставов не посылати» (ст. 189 гл. X Соборного уложения).

Не в последнюю очередь финансовыми соображениями продиктованы и дальнейшие изменения в законодательстве, в частности реформы Петра I в сфере оформления сделок.

Согласно Указу 1701 г. «Об обряде совершения всякого рода крепостных актов» крепости разделили на статьи, в соответствии с которыми взимались пошлины за их регистрацию в приказе: за крепости от 50 до 100 рублей — 5 алтын; свыше 100 рублей и «во многих тысячах» — по гривне с каждых 100 рублей, а в «малых деньгах» — 6–10 денег⁴.

Подьячие, составляющие договоры, были возведены в ранг государственных служащих на жаловании [3: с. 492], а доход от их работы передавался в казну. Для контроля за суммами пошлин акты записывали на гербовой бумаге номиналов, соответствующих сумме сделки.

Однако предусмотренные правила не всегда были эффективны. Законодателю пришлось принять еще ряд актов для защиты своих финансовых интересов.

Указ «О писании крепостей на продажное недвижимое имение у крепостных дел, и о взятии, при письме, пошлин» 1720 г. предписывал продавать любую недвижимость только крепостным порядком, причем «...без взятъя пошлин, никаких о продаже крепостей не чинить...»⁵. Принятый в 1752 г. указ «О писании в крепостях настоящей цены имения под опасением взыскания двойных пошлин за утайку оной» повелевал при письме крепостей указывать настоящую, а не заниженную цену. По-видимому, законодатель неоднократно сталкивался с подобными ухищрениями и попытался пресечь их, используя штрафные санкции: «А ежели кто впредь при письме крепостей продажному имению в цене, чтоб меньше пошлин в казну платить, станут чинить утайку,

⁴ ПСЗРИ Т. 4. СПб., 1830. № 1.833.

⁵ ПСЗРИ. Т. 6. СПб., 1830. № 3.612.

а после о том от кого донесено или усмотрено, и по следствию изобличены будут: за то, как с продавца, так и с купца, с той утаенной цены пошлины в Судебных местах взыскивать вдвое...»⁶.

Содержание указов неоспоримо свидетельствует о том, что не интересы сторон, а интересы государственной казны играли ведущую роль в требовании надлежащего оформления сделки: не оформил — штраф, занизил сумму — штраф. При серьезном дефиците бюджета ценными были любые доходные статьи.

Таким образом, в законодательстве XVII–XVIII вв. надлежащее оформление сделки превратилось в обязанность сторон, а нарушение этой обязанности влекло за собой наказание (но не признание сделки ничтожной). Можно заключить, что на данном этапе в сферу частноправовых отношений вторгается государственный интерес и, как следствие, фрагментарно внедряются императивные методы регулирования.

Третий этап включает законодательство конца XVIII–XIX вв.

Признаки, свидетельствующие о начале нового этапа, — это усложнение порядка совершения сделок и дальнейшая формализация обязательств, что отмечено Т.Е. Новицкой применительно уже к концу XVIII в. [6: с. 393–395].

В начале XIX в. был принят единый акт, аккумулировавший в себе нормы различных сфер правового регулирования, которые были расположены по предметно-отраслевому принципу, — Свод законов Российской империи.

Сводом законов гражданских (далее — Свод⁷) (в редакции 1832 г.) предусмотрено составление крепостных (в более поздних изданиях свода законов [1: с. 118] крепостной порядок заменен нотариальным), домашних и явочных актов.

Крепостная форма предполагает соблюдение особых требований не только к порядку удостоверения, но и к содержанию акта. Например, содержание купчей крепости на имение, согласно ст. ст. 1180–1182 свода, включает «два рода условий: необходимые и произвольные». К необходимым отнесены уже упомянутые ранее «объявление продавца, что он продал имение покупщику, с означением звания, имени, отчества и прозвания того и другаго»; подробное описание имения; цена, за которую имение продано и т. п. Произвольными в законе названы условия об уплате пошлин, гербового сбора, «очистка» продаваемого имения от притязаний третьих лиц и др. Выбор той или иной формы зависел от множества факторов, в частности от вида сделки, от ее суммы и др.

Усмотрение сторон в данном вопросе существенно ограничено. Так, согласно ст. 1337, «обязательство займа может быть составлено или у крепостных дел, или же порядком явочным, или домашним»; акт о закладе движимого имущества «составляется или у крепостных дел, или на дому» (ст. 1071);

⁶ ПСЗРИ. Т. 13. СПб., 1830. № 10.015.

⁷ Свод законов Российской Империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 10: Законы гражданские и межевые. Ч. 1. Кн. 2–4. СПб., тип. 2 отд. СЕИВК, 1832.

договор о личном найме «должен быть написан на гербовой бумаге, для сего установленной, и записан в книгу частного Маклера, с изъяснением всех своих условий» (ст. 1415).

Второй существенный признак рассматриваемого этапа — это введение в правовой оборот понятие ничтожной сделки.

Согласно ст. 967 Свода «договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению онаго есть достижение цели, законами запрещенной, как-то: когда договор клонится: 1) к расторжению законного супружества; 2) к подложному переукреплению имения в избежание платежа долгов; 3) к лихоимственным изворотам; 4) к присвоению частному лицу такого права, которого оно по состоянию своему иметь не может; 5) ко вреду Государственной казны».

Несмотря на все указанные факторы, необходимо признать, что на данном этапе несоблюдение предписанной формы законодатель еще не увязывает напрямую с признанием сделки ничтожной.

Правда, некоторые цивилисты того времени считают иначе: Г.Ф. Шершеневич применительно к купле-продаже недвижимости указал, что «недостаток установленной (в данном случае — нотариальной. — И. М.) формы не может быть восполнен полным согласием контрагентов и признанием с их стороны факта совершения договора — такая сделка не производит желаемых юридических результатов» [7: с. 320].

Однако имелось и противоположное мнение. Д.И. Мейер сетовал, что именно в этом вопросе «редакция нашего Свода вызывает ряд затруднений на практике при решении вопроса о значении укрепления для права...» [5: с. 254]. По выражению Д.И. Мейера, в некоторых случаях законодатель придает форме сделки «значение корпуса сделки», т. е. при отсутствии надлежащего «укрепления» прав сделка недействительна. Однако недействительность трактуется автором только в контексте лишения «всякой возможности доказать свои права на суде» [5: с. 254].

Таким образом, третий этап связан с укреплением императивных начал в правовом регулировании формы сделки, которые, однако, еще не доведены до уровня прямого отрицания юридической силы сделки с ненадлежащим оформлением.

Четвертый, заключительный этап представлен законодательством XX в.

Уже в 1918 г. законодатель в декрете ВЦИК «О дарениях» поставил вопрос о недействительности сделок, не облеченных в определенную форму.

Признание сделки ничтожной по мотивам несоблюдения должной ее формы было предусмотрено Гражданским кодексом (далее — ГК) РСФСР 1922 г.⁸

⁸ Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принят Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 31 октября 1922 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901808921> (дата обращения: 01.09.2017).

Несоблюдение требуемой законом формы, согласно ст. 29 ГК, влечет за собой недействительность сделки лишь в том случае, когда такое последствие прямо указано в законе.

Другими словами, такое последствие было альтернативным: если в законе есть прямое указание на недействительность незасвидетельствованной сделки (по выражению законодателя, «под страхом недействительности»), то она недействительна, если нет — наступают иные последствия.

Примером первого варианта могут служить ст. ст. 72, 90, 138, 153, 185, 266, 297 и 379 ГК, в которых надлежащей объявлена только нотариальная форма сделки.

Например, в ст. 72 ГК предусмотрено, что договор о праве застройки должен быть совершен в нотариальном порядке «под страхом недействительности». Такая же угроза обозначена за несоблюдение нотариальной формы договора о залоге строения и праве застройки (ст. 90); о дарении на сумму более одной тысячи рублей золотом (ст. 138); о найме государственных или коммунальных предприятий (ст. 153); о купле-продаже строений и права застройки (ст. 185); о доверенности на управление имуществом (ст. 266); о полном товариществе (ст. 297); о страховании (ст. 379).

Альтернативное последствие несоблюдения надлежащей формы сделки разъяснено в примечании к ст. 136 ГК: если в законе предусмотрено совершение договора в письменной форме, то пренебрежение этим требованием «лишает стороны права, в случае спора, ссылаться в подтверждение договора на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные доказательства».

Так, «договоры о найме всякого имущества на срок более одного года должны совершаться в письменной форме, под страхом последствий, указанных в примечании к ст. 136» (ст. 153). Это требование относится и к займам на сумму свыше 50 золотых рублей (ст. 211); поручительству (ст. 238).

Верховный суд циркуляром от 10 ноября 1923 г. разъяснил, что из этого правила есть исключения: норма не распространяется на договоры, заключенные до вступления кодекса в силу, т. е. до 1 января 1923 г., а также на сделки, заключенные после 1923 г., но до начала действия данного циркуляра, если они уже приняты к исполнению. По замечанию законодателя, применительно к таким ситуациям суд вправе самостоятельно решать, признавать ли имеющими силу данные сделки. Это решение суд должен принять не столько с учетом конкретных обстоятельств дела, сколько сообразуясь с интересами государства.

Именно эта отсылка не к интересам сторон, а к государственным интересам позволяла судам фактически отступать от норм ГК.

Дальнейшее развитие законодательства, регламентирующего форму сделки, идет по пути расширения условий недействительности. Согласно ст. 46 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. недействительность сделки может последовать при несоблюдении не только нотариальной, но и требуемой законом простой письменной формы.

Позиция современного законодателя аналогична. Так, ст. 162 ГК РФ указывает, что несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. Однако в п. 2 данной статьи предусмотрено, что в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон, несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность.

Таким образом, значение особой формы сделок эволюционировало от признания воли субъекта определяющим фактором в вопросе выбора формы к идее ничтожности сделок с пороками формы.

Нетрудно заметить, что диспозитивное начало, признаваемое основой гражданско-правовых отношений, в этом вопросе дает явный сбой, выдвигая на первый план волю законодателя, выраженную в недвусмысленно императивном формате.

Литература

1. *Баженова Т.М., Кодан С.В.* Свод законов Российской империи (к 175-летию издания) // Российский юридический журнал. 2008. № 3. С. 110–119.
2. История отечественного государства и права: учебник: в 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. Ч. 1. М.: Юрайт, 2009. 477 с.
3. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) М.: Зерцало, 2004. 576 с.
4. *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 2002. 216 с.
5. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. I. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут, 1997. 290 с.
6. *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М.: Зерцало-М, 2005. 568 с.
7. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) М.: Изд-во «Спарк», 1995. 556 с.

Literatura

1. *Bazhenova T.M., Kodan S.V.* Svod zakonov Rossijskoj imperii (k 175-letiyu izdaniya) // Rossijskij juridicheskiy zhurnal. 2008. № 3. S. 110–119.
2. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik: v 2 ch. / pod red. O.I. Chistyakova. Ch. 1. M.: Yurajt, 2009. 477 s.
3. *Latkin V.N.* Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.) M.: Zerczalo, 2004. 576 s.
4. *Man'kov A.G.* Zakonodatel'stvo i pravo Rossii vtoroj poloviny' XVII v. SPb.: Nauka, 2002. 216 s.
5. *Mejer D.I.* Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. I. Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd., 1902. M.: Statut, 1997. 290 s.
6. *Noviczskaya T.E.* Pravovoe regulirovanie imushhestvennykh otnoshenij v Rossii vo vtoroj polovine XVIII veka. M.: Zerczalo-M, 2005. 568 s.
7. *Shershenevich G.F.* Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.) M.: Izd-vo «Spark», 1995. 556 s.

I.V. Minnikes

**Transaction Form:
Historical and Legal Analysis**

The article deals with the evolution of the legal regulation of the transaction form in Russia during the X–XX centuries in the context of changing the attitude of the legislator to the objectives of its arrangement. With the help of the analysis of sources of law it is shown that the most ancient acts are characterized by the freedom of discretion of the parties in choosing the transaction form (dispositive regulation). By lapse of time disposability is replaced by imperative regulation with strict formalization and transformation of the transaction form into a goal in itself.

Keywords: civil law; history of law; transactions; contracts.